

ВИКТОР

БРУСНИЦИН

РЕКВИЕМ

Виктор Брусницин

Реквием

«Издательские решения»

2015

Брусницин В.

Реквием / В. Брусницин — «Издательские решения», 2015

Повесть о легком человеке, в определенном смысле типичном для эпохи характере. Перипетии, отношения, влияния и взаимодействия. Сколок времени.

Реквием

Виктор Брусницин

© Виктор Брусницин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Я – некто. Мне пятьдесят пять. Человек не особенный, однако работающий и умеющий ладить с людьми. Из нас, четырех друзей, наиболее успешен во всех отношениях: удобная работа (накопленный опыт, зарплата, уважение: кандидат наук, заведомо в научном подразделении при солидном холдинге), двое вполне устроенных детей, внуки. Обожаю жену – врач, хороша собой, занимает положение выше, пожалуй, моего, притом мудра настолько, что перечисленное отнюдь не минус. Лет восемь назад, будучи за рулем и тюкнувшись, основательно повредила позвоночник, опаснейшая травма головы. Везил в Израиль, денег вколотили досуха. Будучи человеком, скажем так, течения, относительно веры слабоват, но не поленюсь на троеперстие – а тут зачастил в церковь, поклоны бил, с батюшками разговаривал. Выправилась родная по всем статьям, трепещу теперь. Характерно, что сам преочень неказист: при небольшом росте всегда был деibel (до сих пор, впрочем, изрядно играю в теннис), досадно редок волосом, нос никудашен, легкая косинка глаз (некоторые находят сие шармом), – последнее и полнота, да и другие штуки, были вечным поводом сознания собственной ущербности.

Самый одаренный из нас – Олег Рогозин (Роги). Породист внешне и по родословной. Начитан и как теперь говорят креативен. Подвизался в разных, порой радикальных областях, иногда не без результата, и с неизменным успехом занятия бросал. Давненько одинок (единственный сын шляется без вести где-то за границей), служит парикмахером (сирульником, по его оговору) – ни дать, ни взять, назло себе, ибо на самом деле смешон, хоть и «паству» («стригу барашков мало-мало») имеет солидного разряда и призы на конкурсах. В силу возраста, чрезвычайных амбиций и отсутствия стяжающих свойств являет образец неудачника, если соотнести с его данными.

Петька Воронин – личность, обладающая свойством вызывать к себе безоговорочную дружескую любовь. Человек забытой широты и щедрости. Толкается в автомобильной отрасли.

Четвертый, Гена Стоцкий – чрезвычайно живописный тип. Тщеславный, патологически хвастливый, необразованный (остальные пристойны в этом отношении – закончили престижный фак в Политехническом), а где-то и туповатый. Безбожный пошляк. Он легко подвижен на подлость, собственно, из нас друзей – вообще, зона охвата широка – ни один не миновал таковой с его стороны. Отыскать в парне хоть что-то положительное способен только Олег с его изобретательностью.

Мы трое однажды признали: жизнь Гены по существу – феномен.

Родился он в провинции непростого масштаба – отец служил директором санатория приличного значения (кстати, достаточно короток был с Ельциным – тот в некоторые годы как раз строил учреждение). Генка да старшая сестра из отроков – по-моему, единственный человек, который им освящен: «Сука, я за Ирку порву». Мы смеялись:

– На сколь частей?

– На одну как максимум.

Отец, не отнять, был видный мужчина: с Ленинской лысиной, высокий, крепкий, голосистый, многое умеющий. Раз в компании Федор Ильич поведал, что тянется из польских конфедератов (это Олег выяснил, у Генки и самого сообщение вызвало изумление, но тще-

славие не приспособил – впрочем, не ведал кто таковы). Взять меня, смотрел на Федора Ильича и Зинаиду Петровну с любопытством – они настолько в те годы были несвоевременны. «Золинька», так звал ее «крупный» (Генкины словечки – крупный, батенька – два исчерпывающих варианта) была для него всем. При этом очень могла выпить – мы ее эту особенность, разумеется, крупно приветствовали, – батенька же практически не применял, однако поощрял свойство жены всячески, предложения с истинным весельем и тщательным досмотром: «Золинька, пригуби – губки у тебя весьма расположены», – являлись рефреном. Я был удивлен, что после смерти благоверного (инфаркт) она прожила довольно долго... Вообще, рассматривая родословную Стоцкого, невозможно не углядеть отщепенство, ибо родня присутствовала отлично грамотная и, главное, клановая, стало быть, цепкая за жизнь в высшем российском производстве: чиновники разных мастей, весомые юристы.

Из рассказов Гены о детстве отгиснулось одно – в санатории, в радостно вспоминаемом им детстве он научился ловко играть в бильярд. Кажется, единственное достойное, что у него присутствует как факт, – однако занимательно, он не только свойством не пользуется, но и отталкивается.

Не помню, почему он уехал в город, знаю, что оказался в Техникуме связи. Сколько это ему было – шестнадцать? Жил в общежитии, сходу женился. Как он всегда доказывал, предмет была «самая». Возможно, так и есть, хоть в пожившие годы, когда мы... э-э... сталкивались, я бы настаивать на определении не стал. Словом, дочь, что-то там еще из как всегда восхваляемого им периода я пока не фиксирую, поскольку лично меня не касалось. Замечу, однако, техникум наш друг не закончил.

Тем временем, устроившись на оборонный завод – в армию отсюда не брали, соответственно контингент был сугубо веселый – Гена по последней причине резво охолостился, срочно женился на очередной и въехал в прописку. Повезло, родители отписали дочери в качестве калыма избу в центре города, а наплыла цивилизация, центр принялись усовершенствовать, древние постройки сносили. Молодых обналичили весьма крутой по той поре двухкомнатной квартирой в престижном районе. Между тем Олег Рогозин, тоже оженившись, выяснился соседом. Отсюда общее знакомство и пошло – я и Петька были однокашниками по институту, коллегами по работе и уже крепкими друзьями Олега. По поводу непростоты Роги, социалистической закваски очередной жены Гены и бог знает чего, вечера не проходило, чтоб Соня, очередная, к Рогозиным не зашла. Дело еще в том, что Стоцкий имел манеру оставлять женам следы в виде детишек. То есть у него как раз образовывалась Настька, Олег купно расщедрился на Сашку. Мамочки-несушки друг от друга практически не отходили.

Таки Олегина Танюха родила, но состояла в роддоме. То есть имело место обстоятельство, и друзья плюс многие коллеги бузили у молодого папаши.

– Мужики, – пошатываясь, и малосвязно доказывал Олег, – полагаю, неприлично миновать слов относительно появления, а возможно и образования нового члена общества. Поражает собственная причастность. Не стану останавливаться на том, что рождение человека суть момент... Мужики, как просто быть творцом... Впрочем, я за вас – чтоб не сказать, за себя, если не сказать – вместо...

Поскольку со стороны Олега все было как-то наивно, стол организовывала несущая пока Соня и приближенный Гена. Когда наш завлабом Пестименко между прочим скользил, что в перлитовых структурах присутствует много нерешенных вопросов, а Тарчевский возражал на предмет того, что Мэшин Хэд и Машина Времени есть некий знак претворения, Стоцкий восторженно лупил глаза и подчинялся любому движению пожелателей. Я, кажется, первый заметил эту его сторону.

– Слышь, Ген, телефон далеко? Мне бы жене позвонить (я давно женился, уже и первенцем был оснащен – имели, собственно, по двадцать пять годков).

Его ответ меня поразил:

– Ну, позвонишь (характерно, ставил ударение правильно) – и что?

Настолько это четко легло в обстоятельство, что я предложил покурить. Генка откликнулся на предложение с артистическим изяществом: на сигареты Родопи он чиркнул невиданной зажигалкой.

Почему-то отчетливо помню беременную Сою, с налитым бюстом, обслуживающую, такую недосыгаемую и вместе кондовую, – возможно, впервые во мне совершалось затаенное вожделение, выпрастывание инстинкта. И мельтешит воспоминание, Гена заметил мой взгляд.

– Ну вас к черту, – объявил я, – городите бог знает что... – Встал, потянулся рюмкой – кто-то подал ей бокал, Соня дружески прянула рукой навстречу. – Соня, позволь за тебя, за наших жен. За... ну я не знаю – женщин, которые... нас оплодотворяют... – Раздался хохот, я ступешался. – Нет, вы не поняли, – затараторил совсем сбивчиво, – оплодотворяют в смысле иницируют, мы все делаем ради наших любимых...

Мой голос утонул в сальных шуточках, общем гуле – было отчаянно хорошо.

Вообще, та пьянка, растянувшаяся, кстати, не на один день, оставила долгое впечатление. Чего уж говорить про Стоцкого – его насквозь алчущая душа именно здесь, думаю, была пленена, повязана мефистофелевской тягой к нам. И вправду, сложились несколько замечательных эпизодов. Серега Мурзин заснул на унитазе и, когда его разбудили с пожеланием на короткое время освободить сооружение, сопротивляясь, в угнетенном беспамятстве орал, что не позволит собой манипулировать и вытирать ноги, даже если они снабжены домашними тапками. Кто-то ронялся мурлом в салат – да, это Володя Болкисев, наш светило, до крайности башковитый мужик и заядлый приверженец зелья. Существовала поездка в роддом всем скопом, ради отметки, которая Татьяну только напугала, когда на жуткий ор снизу из окна увидела кучу невменяемых мужиков и долго не могла отыскать Олега, в неразберихе поменявшегося с кем-то одеждой. Ресторан, где произошла стычка с другой компанией и случились приобретения пара ссадин.

А знаменитый эпизод – это, вроде бы, уже на второй день – когда дело чуть самым плачевным исходом не завершилось. Кому-то пришла идея навестить общего приятеля – он жил неподалеку и находился на больничном. Отправились всем кагалом, остался только я, будучи притомившимся зело. «Жди нас, никуда не выходи», – было приказано. Однако проснувшись, не особенно уяснив где нахожусь и в чем состоит текущий момент, я пренебрег предупреждением, выбрался из квартиры и, все еще находясь в растерянности, нечаянно захлопнул за собой дверь. Спустился, вышел из подъезда, очнулся окончательно. Идут празднователи.

– Тебе же сказали, не выходить, – устало пожурил Олег. – Взял ключи?

Каков был ужас – ключи остались в квартире, попасть не представлялось возможным.

Что делать? После совещания творческий Болкисев предложил спуститься через балкон с этажа выше (в те времена лоджии еще не остекляли). Пошли стучаться к верхним жителям. Долгие переговоры – нам повезло, что дома оказался член семьи мужского пола, отлично понявший курьез (дамский контингент не желал входить в обстоятельство категорически). Он же подсобил с деревенского образца ковровой дорожкой как вервием, по которому следовало перебираться. Препирались, кто будет выполнять задачу – я пыркнулся, чуя вину, однако инициативу перехватил Петя. Там и случился сбой, уже на подходе к объекту и цепляясь ногами за перила рогозинского балкона, рука его нечаянно сбилась со скользкой дорожки и тело более чем коварно накренилось в пропасть. Вытащил рефлекс, Петя как-то совершенно уже изощренно изогнулся и рухнул в пределы квартиры.

Между прочим, дверь оказалась не заперта – я захлопнул ее не напрочь.

Не всегда просто определить каким образом складывается близость, однако Гена сам настаивает, что наибольшие дружеские чувства у него вызываю я. Может, оттого что и мне с ним комфортно? (Сие, кстати, когда-то вызывало и шероховатые мысли – при известных реквизитах Стоцкого.) Ну да не стану ударяться в психологические обоснования общих отношений – вестимо, наиболее красноречив и доказателен факт. Именно им является то, что в те годы преимущественно кучковались у Олега, отсюда Гена неизменно присутствовал.

Время, во всяком случае для меня, было рьяным и жадным – в самом деле, мы по серьезному, ответственно, с принятием капитальных решений вступали в жизнь, и потом работали в науке, среде, где всякое обстоятельство подвергалось достаточно крепкому осмыслению. С другой стороны, хворали гедонизмом: алкали удовольствий, девиц, ресторанов, калил сумасшедший озон, плоть была в душу, голова была чиста, отсюда веским случалось всякое жизненное изделие. Впрочем, зной существования, который ощущал я, совершенно отсутствовал, например, у Олега. Сейчас я порой размышляю: отчего он так действовал – не сосредоточенно, размашисто и глупо? Ребенок, которому все давалось. Где-то таким же был Стоцкий, но, тождественно мне, без пессимистического вкуса.

Длилась научная идиллия лет пять, Петька Воронин первый скривил. Он замутил с автомобилями. Дело в том, что мы постоянно шабашили (Стоцкий с нами не работал, тогда он не воспринимался серьезно), одна из халтур получилась столь удачной, что месяца за полтора – учились в аспирантуре, отпуска были широкие – заработали сумму, которую хватало на авто. Петя с Роги сюда и впряглись. Я истратил деньги на мебель и прочее бытовое. Выяснилось, что Петро весьма дружит с механизмами – лайба, копейка, досталась чахлая, капризная, стабильно требующая приложения рук – вечно толкался в автосервисах, легко находил с тамошними общий язык. Вдруг настроил заявление об уходе из института, чем сообщил нам оторопь и настроение укоризны, устроился в один из них механиком. Стоцкий выразился неизменно оптимистично:

– О, на человеческое замахнулся. Распредвал – это вам не интеграл.

Занимательно, что вслед поплыл и Роги, аналогично бросил науку, ударился в живопись. Собственно, я один остался неприкасаемым, Гена, скажем, тоже разменял обстоятельства: у него совершился очередной любовный запой.

Олег дает такое определение дружбы: свобода. Я же считаю, друзья те, кто знает о каждом буквально все, причем в силу того, что это, как и позывы делиться – потребность. Впрочем, определение Роги данное ничуть не отменяет, ибо знание в любом аспекте и есть свобода (вспомним Спинозу с его познанной необходимостью). Я к тому, что мы были прекрасно извещены о географических и, если так можно сказать в его отношении, душевных (Олег говорил, медицинских) движениях Гены. Излагал приключение он примерно так:

– Это я вроде бы еще с Люськой жил. Свадьба у приятеля. Там клюшка одна присутствовала с Байкала, облик ладный, нога. Разговорились, зашли в ванную, трахнулись. Муж привередничать затеял, кулаком над головой вертеть. Собственно, треснул мне по ряхе. Лялю, замечу, не тронул. А причем здесь я – химия. Пара лет прошла, приезжает прелесть с ребенком, без мужа. Я узнал, шасть, разумеется к приятелю, которому она родственницей числилась. Особенных, надо сказать, настроений не существовало, а когда увидел, обратно мятеж. И любопытный момент, ночевали совместно, однако я по ее несильной просьбе вводить не стал. Чудо. Провожал на вокзал, парнишку на руках нес точно родного. Сонька как раз Варьку

рожает, а меня обуревают на полную, химия самая высокомолекулярная. Химическая гражданка, между тем, в Новый Уренгой переезжает, я ее адрес раздобываю и звоню: приезжай, сойдемся на семь пик. Не приехала, мужа, кричит, жалко.

Гена закурил. Курил он всегда во множестве и сигареты самые дорогие. Вообще, дым в глаза, пыль ему были свойственны особенно – позер завзятый, любил, напыжившись произвести: «Порешаем».

– Однажды все-таки приехала, звонит в полночь. Что-то напел Соньке, погнал. Ох, мужики, дали мы копоти, такого еще не было. Следует идти домой, а эта рубашку мою порвала в ключья, с ножом прыгает – убью и себя и тебя. Остался, поскольку рубашку жаль... Она все надеялась бросить мужа, но не получалось, пил. Впрочем и она позже спилась... Тем временем Сонька опросталась Варюшкой и что-то во мне треснуло. Привез домой импортную коляску, еще невиданные вещи и ухажу на три дня. Отсюда и пошло, закрутился, с Шацким связался...

Деятеля этого я знаю, мент. Начали они на пару куролесить, семья у Стоцкого сыпалась, это было очевидно. И верно, Шацкий и Стоцкий тот еще болеро устроили, девки не переводились, пьянки. Меня всегда поражало, до чего ловко умел Гена что называется втереться в доверие. Семья новоиспеченного приятеля была непростая, мать заведовала неким магазином, являлась по тем временам крутым человеком – это она доставала импортные изделия. Вхож и принят Стоцкий был самым теплым образом, я свидетель. Занимательно, что жена Шацкого, Лена, весьма привлекательная особа, относилась к нему аналогично, и в частые дежурства мужа он неизменно торчал при ней. Доверял милиционер, при хорошо известных данных приятеля. Что занимательно, и в самом деле не напрасно. Это уже года что ли через два, когда компания их развалится, Стоцкий случайно встретит Елену.

– Я жил на Фрунзе, один. Гляжу, Ленка – стало быть, повествую: ты чем теперь занята? Ничем особенным. Так поедем ко мне. Давай... Заходим в переднюю и началось, стащили все друг с друга, аж оцарапались. Забыть не могу до сих пор, химия (неизменная его фраза). Очнулись здесь же в коридоре, я даже проводить домой не в силах был. Случилось единственный раз, она как раз в периоде освоения очередного замужества состоялась.

Словом, вещь характерная, мимолетные приятели у него происходили всегда: легкий, клиповый человек. Эпизод, например. Новый год, Стоцкий подрабатывал на городской площади, на елке – там существовала подсобка – два, три человека сидят непременно. Здесь как раз снимали фильм: Виталий Соломин, Борис Невзоров. Стоцкий сунулся к последнему, накатай-де автограф. «Получи, мил человек».

– Послушайте, замечательный артист, неподалеку помещение расположено. Холод собачий, а там первоклассный чай.

– Отчего же.

Ну, чай.

– А взгляните, драгоценный актер, водочки некоторое колво имеет место. Вы как?

– Отчего же.

Кончилось тем, что после съемок повез заслуженного по бабам – буде равно люди клиповые. Ну да пойдите, перевоплощайтесь-ка систематически – чреват подобный образ жизни.

Собственно, Шацкого я упомянул, чтоб зафиксировать: здесь союз с Соней и развалился окончательно. Вообще, развал, нечто черное Стоцкий провоцировал отменно. Соня, например, после Генки навсегда вышла замуж (за бывшего приятеля Стоцкого, кстати), но ходочихой стала откровенной (по выражению Роги «обляденела от супружеского холода»).

В общем, снял Стоцкий комнату на Фрунзе. Буря и натиск, разумеется, проходной двор, чего там только не вершилось. Как он всю нашу лабораторию одеколоном Шипр опоил, это надо было видеть последствия. Серега Иванов, помнится, уважаемый товарищ, лекции студентам читал – жил через дом – пошел ведро выносить в тапочках. А мы как раз из комка шли.

Ну, руку пожать, люди свои. Домой вернулся через несколько дней. Что характерно, в тех же шлепках.

Вообще на номер со шлепанцами он многих провоцировал. Имелись автомобили, азарт. Кто-либо к Стоцкому заедет, он дома сидеть не терпит, ага, дескать, к такому-то съездим. Ну заедут, жертва с тапками посидит в машине, а и влип. Но как не влипнуть, когда едем, скажем, до лавки, Стоцкий стонет: останови, в кусты сбегая, прижало. Из кустов выходит и девиц ведет. Пара дней.

Впрочем, и сам не миновал. Что-то вроде язвы у него получилось, больница. Ну приехали навестить, лето, сосредоточились в тени.

– Нет, мужики, Петя не приехал – такое перенести нельзя. Едемте, – возмущается Гена.

– Как ты без одежды, в тапках?

– Послушайте, – полон гнева, вонзая отчаянный взгляд, орет Стоцкий, – Петя не посетил!!

В итоге, за вещами в больницу кто-то через два дня съездил.

С такими выходками у Пети дело до развода дошло, правда, через полгода обратно сомкнулись, причем Генка и мирил. Жены наши его ненавидели... Однако и мы. Но об этом позже.

Приезжает к Стоцкому отец:

– Ну что, охламон, лежишь? Сколько ты будешь над родителями измываться!

– Папа... – стонет разгильдяй.

– Езжай к Паршину, приятель мой, определит куда-либо.

Паршин, как человек горбатый – что-то там с позвоночником в детстве сотворил – был юрок крайне. Сидел в областном доме профсоюзов и упоминал фамилии самые громкие. А случился Горбачев, кооперация.

– Тут я кооператив по изготовлению дорожных знаков соорудил. Давай-ка.

Между прочим, что Роги, что Петя свое дело изобрели, но нашего героя не взяли. Петр, как уже говорилось, по автомобилям, Роги связался с обувью, поскольку живопись оставил, поскольку денег сия не давала, а Олег поскольку оные внезапно полюбил. Между же прочим, Петя Стоцкого к себе в дело брал кратковременно, это еще до знаков, он как раз автостоянку организовал, однако выгнал, ибо тот без баб никак не мог обойтись и то опоздает, то вообще не придет. Напарник Пети возразил против такого участия. Однако некое авто Стоцкому в пользование Петя временно сотворил, ибо – душа, так что Стоцкий ямщичил и жил на средства.

Деньги в современном мире имеют огромный смысл. Опосредованность, унифицирующая величина – в итоге отношения. В коммуникативном мире отношения и относительность – всё. Роги этого не хочет понимать, я – чувствую. Почему женщины любят деньги? – чувствуют. Да, во мне присутствует женское, должно быть, иногда бабское. А кто теперь, в сервильном пространстве миновал? В Стоцком аналогичного изрядно, он жил кожей – может, и это нас сближало. По существу, он со всеми говорил на одном языке. Я рано понял, что сие не минус. Люди грешны, и так называемые слабости часто эффективней, чем сила. Взаимодействие – вот камень, и я – глядя отчасти на Стоцкого – умею его налаживать. Роги, например, выше нас, но одинок. И – неудачник. Безоговорочно порядочный из нас только Петька. Мы его любим, но не уверен, что ценим.

Знаете что, пусть я не умен особенно, но – равнодушен. Стоцкий подобен. Мы, как клеймит Роги – экстраверты. Может, отсюда у нас особая ценность, хоть и разная. Даже Петя

лишен многих возбудителей. Порядочность – всего лишь воспитанность. Другое дело, в отличие от Стоцкого и Пети, мы с Олегом знаем свою силу и слабости.

Кооператив Стоцкому в стремя пришелся. А там он на крыши перебрался, пошли деньги солидные. Паршин его долго вел, именно благодаря дяде он заполучил самый удачный период жизни из разнообразных очень.

Как раз тогда, к примеру, он совместился с женщиной, если можно так выразиться, всей его жизни. Любаня. Не раз разводил руки:

– Шут его знает... Приходит однажды в цех (он еще работал на заводе) до крайности симпатичная особа. Я тут как тут, пропустить кого-либо не имею возможности – статус. Организовал пьянку – ванная, трахтибидох. Между тем – дети, Соня (она работала тоже на заводе и в хороших отношениях вообще говоря состояла с Любой). Собственно, и у той муж наличествовал, впрочем, он в другом цехе трудился, мастером. Я ее один раз нашему старшему по смене подставил. Ну так я всех подставлял, поскольку отоварку спиртом через это имел... Когда на Фрунзе жил, встретил нечаянно. Привел домой, потом на завод стал ездить, встречать. С мужем ее пошел привередничать. В общем забрал к себе вместе с дочерью... А дочь-то ее, Катюшка, меня слушалась. Когда померла, я горевал сильно.

Там малокровие что ли случилось, лет десять. Девочка славная, ее все любили.

Люба – женщина симпатная, умная, с юмором. Подлая часто – впрочем, по-женски – на редкость эмоциональная. Б... ь, понятная вещь, несусветная. Собственно, он ее такой сделал... – или расколупал? Как говорит Роги, проституция – кровная самореализация женщины, оттого самая древняя профессия.

Рожать они так и не стали, Люба боится наследственности, малокровие. Впрочем, какой рожать, мыкаются всю жизнь на чужой жилплощади.

Чем только Стоцкий не занимался. Регулярно фарцевал на Шувакише (толчок, вещевой рынок) – одна из его подруг трудилась в центральном спортмагазине города, добывала джинсы и прочий дефицит. Подпольный кинозал – комната в общежитии – где они с Петей крутили Эммануэлек, Брюса Ли, Кошмары на улице вязов и прочее – абсолютное вожделие для нас, девственников с точки зрения как сейчас говорят культурных практик. Казус в том, что Петя по случаю заполучил видик, тогда стоимостной эквивалент поношенной машины, Стоцкий, вне сомнения, экстренно очутился рядом... Участвовал в аэропорту в системе наперсточников: ему вменялась должность делать ставки и выигрывать, тем самым возбуждая натуральных лохов. Упорядочивал на автовокзале деятельность малолетних проституток – ну, тут он пройти мимо, естественно, не мог. Я был свидетелем, как наш хипесник обучал двенадцатилетнюю замарашку пользоваться средствами защиты. Это было ничуть не забавно. Наставлял:

– Бэби (по его утверждению обращение вызывало у сотрудниц чувство ответственности), старайся не улыбаться. Нужно склонять клиента к состраданию. По существу, великое дело вершим.

Между прочим, сам их не пользовал, и поверьте, был реально сердоболен, выхаживал дома одну нимфетку – вопреки естественному ропоту Любы – подхватившую капитальную простуду.

В сущности говоря, сентиментальность – неотъемлемая по моим наблюдениям черта людей сходных характеристик... Дина, русский спаниэль, идол, объект самого трепетного отношения. Потерялась однажды, Генка поставил на уши весь район. Привели... Нарожала раз дама штук семь. Ну, растолкали по рукам тройку щенят, куда прочих? Как он извелся, натурально рыдал, когда Люба топила следы ветренности любимого существа. Обратите внимание,

будучи совершенно трезвым. Как убивался, когда Дину кто-то отравил (допускаю, один из соседей, жертв блудодеяний Гены) ... Взять фильм «Доживем до понедельника» либо «Зори здесь тихие» – Стоцкий на восьмой раз смотрит и рыдает. Правда, не без воздействия.

Паршин между тем влился под эгиду пионерской организации, им тогда давали карт-бланш – тот еще проныра. Подобные свойства Генка схватывал слёта. Стало, постоянно торчал у протектора и с многими познакомился. Дамочка некая внедрилась в число. Идут однажды с Любой по улице Вайнера, центр города, киоск. Сидит предыдущая некая дама и испытывает вопрос Стоцкого:

– Как ваше ничего?

– Ничего.

– Таким образом существует девушка, что гладит меня периодически, работать хочет и деньги получать. Стоит теперь рядом для наглядности.

– Приходите послезавтра.

Встала Люба на трудовую вахту, торговля обувными предметами разной необходимости. Хозяева имели отношение к «Масису», входили в армянскую диаспору, что была по тем временам разве не самой сильной в городе. Гена, конечно, постоянно крутился подле, и не зря. Понадобился, например, водитель – а вот и Стоцкий. Возникли знакомства с Центральным рынком, с Мишей Кучиным, что курировал таковой и слыл фигурой знаковой (его одним из первых хлопнут, отслонявив тем самым славную и кровавую страницу криминального капитализма Екатеринбурга). Здесь же познакомился с Нориком, обрусевшим армянином, одноклассником Кучина, соорудили приятельство. С ним и затеют первое собственное дело.

Умел разговаривать с людьми.

– Однако куртка на вас фирменная, отлично смотрите, между прочим.

– На Шувакише брал.

– Я себя раз на Шувакише взял, рассчитаться не могу.

– Гы-гы.

– Славно, что дождик иссяк, однако одинаково сыровато... Я как тот еврей. Идет по улице, деньги лежат. Обрадовался, поднял. Махнул рукой с досадой: черт, не хватает.

– Гы-гы-гы.

Гена достает сигареты:

– Угощайся... Слушай, ты не в курсе относительно курса? Говорят, доллар опять отпустят...

Не однажды первого встречного притаскивал домой, радушиичал – подвижный человек. Завязывались неожиданные знакомства. Постоянно толкался на Вайнера, там в то время сбыт шел со столиков, Шувакиш закрыли, сюда переместился самый активный центр торговли. Был дружен со всеми, перебрал, поди, четверть местных – реализаторами были русские наемницы – держал руку на пульсе. Возник некий латыш, Норик раздобыл денег, поехали в Ригу, отоварились. Раскидали товар по столам, стало понятно, что требуется свое место. Пришли в городскую администрацию, укатали начальство не без протекции Паршина и связей Норика.

Возникла мода на киоски. Разузнали, покатали в Первоуральск, лавочки изготовляли там. Связи, взятки. Поставили. Стоцкий стал первым русским обладателем – пусть долевым – своего киоска: тогда хозяйничали исключительно армяне.

Латышские товары, Роги свою обувь торговал через Стоцкого, Паршин какое-некое подкидывал, дело пошло.

Паршин нарыл Прожерина. Тот имел выход на Эмираты через певца Новикова. Чартерные рейсы. Кофточки, детские товары имели хороший спрос. Стоцкий с ним крепко дружится тем самым. Прожерин оседает в Эмиратах и дело приобретает стабильный характер. Гаманок пухнет.

За полтора года Стоцкий купил квартиру, обстановку, новенькую шестерку. Лихо обогнал Роги, который тоже прилично сперва взлетел, однако начал затухать.

Скупал ваучеры, ушлые люди надоумили. Кстате взять, выкупил бумажки у Роги, который в них не верил, и вообще, в итоге практически рухнул: с Татьяной разошелся, свой обувной цех продал, влип с МММ и практически обнулится. (Позже Роги выскажет: «Когда мы живем при власти, которая целенаправленно истребляет надежду, платить за последнюю не так уж дурно. Отсюда и мошенники».) Вообще говоря, с ваучерами Стоцкий и к Пете и ко мне подъезжал, однако я не склонился, грамотно вложился в газпромовские акции.

Между тем конкуренция набирала силу – все ударились в торговлю: челноки, красная ртуть, прочая дребедень. Тем более что приличные заведения, наука и иное, рушились точно песчаные. У нас в лаборатории один парень из ушлых, Булатов, ткнулся подначивать на создание своей посреднической штуkenции. Слепили ТОО. Коллектив подобрался молодой, творческий, подвижный. Жить стало весело. Постоянно ездили в командировки, собственно, о науке практически забыли – лишь тройка заплесневелых ретроградов сидели на профильных работах – коль скоро начальник лаборатории имел солидное количество акций фирмы. Пошли приличные деньги. Помнится, арендовали помимо прочего гостиницу в Сочи, туристический бизнес, все такое. Сами временами халявно наезжали. Само собой, Стоцкий рядом. Тогда он был на взлете, деньгами пылил. Раз – всем кагалом сидели в ресторане – аки заправский Вельзевул пустился соперничать с Булатовым на предмет музыкального сопровождения. Булатов одно заказывает по просьбе секретарши (она же... – сами понимаете), Стоцкий казаченковскую «Больно мне, больно». Причем делал перезаказ. Мы эту песню не переносили, Генка – напротив. Булатову бы попустить на смешках, нет, повелся – он, вроде бы, секретаршу к Гене ревновал (было отчего, пару сотрудниц лаборатории Стоцкий покрывал). В общем, довел наш вертопрах директора до белого каления, денег вмяли будьте-нате, не я бы, пожалуй и разодрались. На другой день Стоцкий снова умыл – притащил Гребенщикова. Как он его раздобыл, история умалчивает.

– Боря, – кладя руку на плечо «бога», фамильярничал Генка, – я твою «отход на север» обожаю.

– Это не моя, – надменно кривил губы БГ, – Помпилиус.

– Тем более, – вдохновенно соглашался новоявленный друг.

А улетали!.. Опоздали, да еще подшофе – вылет задержали и вообще хотели ссадить. Я был потрезвее, уговорил (летели мы вчетвером, с женами). В самолете тройка «новых русских», все в массивных золотых цепурах, пустилась высказывать весьма нелицеприятные соображения в наш адрес, чем возвысили Стоцкого в собственных глазах изрядно – он пустился делиться с ними относительно знакомств с первыми лицами криминального наклонения (ничуть, между прочим, не кривил). Довел особей до пароксизма. Я был предельно уверен, что получим капитальную взбучку. Выкрутились, Стоцкий сумел нуворишам внушить некое. Впрочем, в аэропорту нас «приняли» и штрафа не избежали.

Ему многое сходило с рук. Пятница, святой день. Я, Стоцкий, наши жены. Ехали откуда-то, решили продолжить у меня. Затарились, выходим из лабаза, довольные собой длим путь к месту назначения. Пересекают стезю четверо агрессивных парней. Один из них вымахал амбалом под два метра, сугубо за центнер, он и очутился самым настырным. Не помню, что именно они доказывали, кажись, допеклись до моей супруги. Стоцкий полез петушиться, повторюсь, его решительность – при весьма сомнительной фактуре – меня всегда поражала. Два задохлика против четверых справных фигурантов. Получили незамедлительно.

– А ну, козлы, сдавайтесь! Руки вверх, снимай кальсоны, отдавай мои патроны!! – слышу я внезапно истерическую речь Стоцкого.

Глядь, стоит Геннадий, держит в руках пистолет, рожа решительная отнюдь. Я быстро отцепился от напарника, с которым возился, и крепко ошалелый естественным образом очутился за плечом друга.

– Всех перестреляю и даже моргать не позабочусь! – все так же воинственно поясняет позу оратор.

Поставьте себя на место людей – пестик блестит в свете фонарей и даже имя противника неизвестно, что у него в голове тем более. Стоят, стало быть, молча. Гена продолжает речь, причем в предельно горячих тонах – известно, звуковое сопровождение шибко подчеркивает намерения.

Наконец тот амбал приходит в себя, сообщает следующее:

– Я – десантура, в Афгане воевал, таких как ты, пидор, мочил точно ватку для протирки затвора.

Гена повествует возражение:

– Пидором никогда не существовал и не собираюсь. Отсюда получите с моим уважением к вашему афганскому прошлому, – и нажимает на курок пистолета, направленного на оппонента.

Осечка. Лично я понял, что добавить нам уже не суждено. Громила вальяжно надвигается на не собирающегося быть сами помните кем гражданина и что у него на уме запросто можно догадаться. Не тут-то было, Стоцкий судорожно потряс волыну и делает предыдущее упражнение. Грохает натуральный выстрел. Верзила падает.

Облако дыма. И не просто – расположенные афронт супостаты затевают надрывно чихать и кашлять: пистолет газовый. Собственно, и Генка затеял корчиться.

– Сматываемся! – нервно советует Стоцкий. По всей видимости, он, зная содержание заряда и не изведав шока столь категорического нападения, очнулся первым.

Жены, что прилежно созерцали мизансцену и не получив дозу, как находились вместе со мной в тылах, очень поняли пожелание и резко сорвались, вчетвером дали отменного стрелка.

Подъезд существовал рядом, согласно чему заскочили в убежище, пыхтим, что твой паровоз. Припасы в битве не потеряли, я, когда вступал в пререкания, драгоценность передал супруге на сохранение – резко налили, ибо пожар.

Только на раз обсудили событие, произнесся звонок в дверь. Супруга моя пошла поглядеть в глазок, вернулась бледная и дрожит голосом:

– Эти.

– По порядку, будь так любезна.

– Которые настырничали. Которые из Афганистана в свое время прибыли.

Как после выяснилось, вычислили по свету, что только зажегся на кухне – действительно десантура. Звонят, несмотря на подобное, беспрестанно и в дверь колотят. Милицию вызывать – как-то не к лицу. Словом, ткнулся Стоцкий к двери и входит в контакт:

– Рассказывайте.

Амбал доводит до сведения:

– Открывай. Мне твои друзья поishi, щекотать не стану. А прибуду, что очутилась у тебя в руках, хочу досконально рассмотреть. Система привлекательная, так что сделай одолжение, задрот, иначе глаз на жопу натяну. Умею.

Препирались, поди, полчаса: и жены-то визг устраивали, и милицией грозили, и еще какими-то криминальными структурами – нет, показывай, ублюдок. Делать нечего, решили отворить ворота.

Между прочим, парень оказался один, соратники, должно быть, угрозам нашим вняли. Зашел плохиш, выхалкал стакан водки, что мы ему предусмотрительно поднесли и стал в коротком времени другом. После он со Стоцким имел несколько приключений, пока окон-

чательно не сел на скамью подсудимых. Наряду с тем огнестрельную вещь в актуальном посещении стянул.

Сказать есть, однако, относительно «сходило с рук», далеко не всегда случалось, но об этом позже.

Душа темная, провокационная до, я бы сказал, кондовой и тем самым положительной двуличности. Помню, купили моему племяннику шкаф. Я и Генка помогаем поднять на этаж. Возле подъезда сидят две девицы, сестры как выяснится. Стоцкий:

– Айдайте с нами.

– Вполне.

Разлили по порции, приступили пользоваться. Старшую, разумеется, в ванной, само собой, по очереди, естественно, начиная со Стоцкого. И вот младшенькая, лет что-либо шестнадцать, затеяла претендовать: «Я тоже хочу». Умение угадывать легкомысленные натуры, это, возможно, самая результативная его способность. Однако суть не в том. Надо было видеть как что старшая сестра, что Стоцкий выговаривали юной соискательнице касательно окаянных наклонностей. И отметим, Генка был горд собой ничуть не фальшиво, водилась за ним пьяная мораль, очень мы любили тождественные экзерсисы.

Я-то в силу внешней недостаточности и прочей ущербности робок был относительно женского контингента – если хорошенько взвесить, это и тянуло меня к Гене. Нечего сказать, он учил быть раскованным уже наблюдением за ним, собственно, и конкретно поставлял дам – тот еще диверсант. У нас совместных приключений отыщется больше чем у кого-либо из нашей кучки. Олег вообще на его провокации не сваливался, чувство собственного достоинства, похоже, держало. Вообще говоря, у него со Стоцким состоится своеобразное соревнование, и нельзя утверждать, что Олег проиграл. Количественно, несомненно, Гена переплюнул Роги гораздо, однако он употреблял любых, в том числе, оттого что был нетрезв хронически. Олег проявлял завидную разборчивость, скажем, в отличие от Стоцкого никогда не пользовал проституток, вообще, женщин практиковал исключительно качественных.

Вот какое сдается мне. Не исключено, Роги и неудачник оттого что угодил с Генкой в конкуренцию. Обосновать это непросто, однако подобная версия в массиве общего представления о наших отношениях смотрится трезво. Мало того, недавно я эту мысль Олегу высказал и, воздадим справедливости, корешок посмотрел на меня едва ли не задето. Впечатление, что угадал: его самого идея одолевала. Наверное, отсюда Роги часто к нему безжалостен: «Скажи отцу, чтоб впредь предохранялся...» Вместе с тем Олег и поощрял:

– Христа сделали апостолы, в основном Петр. Он стал Иисусом оттого, что единственный, а апостолов дюжина. К этому стремись.

Продолжу соображение: оттого я, например, стабилен и устроен в жизни, что не сопротивлялся Стоцкому, угодил под его влияние безрассудно. Сражаться с ним бессмысленно, низменная напористость продуктивна крайне, человек падок.

Да и в ином. Ладно, совался он куда ни попадая от изворотливости и беспринципности, мог превратиться в ничтожество и тем самым избежать неприятностей. Это нам было понятно и, если хотите, угодно. Но порой проявлял истинное бесстрашие, один лез в драку с заведомо проигрышным результатом. Роги называл это безрассудством. Впрочем при нас был особенно задира и часто создавал неприятные инциденты (Олег называл это провокаторством).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.